

Новые публикации

Т.Н. Ушакова
Книга С. Пинкера
«Язык как инстинкт»*

Новый взгляд на природу языка и речи развивается в книге известного американского ученого Стивена Пинкера¹, выходящей в ближайшее время в московском издательстве «Академия». Эта публикация, без сомнения, доставит радость нашему читателю, жаждавшему новых фундаментальных работ из-за рубежа в области исследования природы языка и речи. И радость эта будет не обманчива — книга замечательна по новизне содержания и изяществу формы.

Ее стиль можно характеризовать как художественно-научный: повествование похоже на увлекательную беседу, которую ведет умный и ироничный собеседник, склонный к веселой шутке. Видимо поэтому по тексту рассыпаны дразнящие парадоксы, включенные в название книги («Язык как инстинкт»), заголовки разделов («Болтушки», «Говорящий новорожденный. Рассказ о жизни в раю», «Языковые мавены», «Говорящие головы», «Слова, слова, слова»), отдельные высказывания: «...язык так же отличается от систем общения других животных, как хобот слона отличается от ноздрей других животных» (с.399) и мн. др.. Все это ярко, легко, а самое главное — в своей основе глубоко серьезно.

Как и форма, содержание книги завораживает нетрадиционностью. Стивен Пинкер написал большую книгу о столь многократно исследованном явлении, как язык, однако увидел его своими глазами, никого не повторив, не сообщая известные истины. Опираясь на достижения современной когнитивистики, будучи широко эрудирован в областях психологии, информатики, лингвистики, антропологии, философии, нейробиологии, он как бы собрал в кулак огромный объем информации, чтобы доказать главный, а может быть и единственно важный для него тезис. Последний состоит в следующем: язык представляет собой сложный спе-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (номер проекта 01-06-00241а)
¹ *Pinker S. The Language Instinct. New York: W. Morrow, 1995.*

специализированный навык, выработанный в эволюции и обеспечиваемый функционированием особого блока в конструкции мозга; язык не является порождением материальной культуры, как это привычно считают специалисты; языковая способность врождена, генетически обусловлена и самопроизвольно развивается у ребенка, не требует постоянных сознательных усилий или систематического обучения для нормального протекания. Все эти утверждения, полагает автор, дают основание считать язык инстинктом: «Язык не в большей степени является продуктом культуры, чем прямохождение», — остроумно поддразнивает автор недоверчивого читателя (с. 11).

Специалисту, разумеется, понятна новизна и парадоксальная заостренность приведенных формулировок. Между тем С.Пинкер прямо указывает главного идеологического противника своей теории. Это так называемая «Стандартная Социологическая Модель», согласно которой, человеческая психика формируется окружающей культурной средой. Автор не без сарказма отмечает, что Модель все еще остается одним из столпов научной мысли 20-го века. Ученый резко полемизирует с ней и не боится признать свое позитвное отношение к теории врожденных идей.

Вся последующая поглавная структура книги направлена на то, чтобы с разных сторон аргументировать основной заявленный тезис.

Как свидетельство врожденности языковой способности Пинкер приводит данные антропологических исследований, показывающих, что развившиеся в изоляции народы, найденные в последнее время, имеют каждый свой язык. Безъязыких народов не найдено при том, что проведено множество исследований и сделано немало открытий в этой области. Все вновь обнаруженные языки, сформировавшиеся независимо, оказываются достаточно сложными; такого явления, как язык каменного века, найдено не было (с. 21).

С.Пинкер предлагает не опасаться термина «языковой инстинкт», его отнюдь не обязательно связывать с животными импульсами и предполагать в нем «роковой автоматизм». Даже наш гибкий и изменчивый разум позволяет видеть в нем результат взаимодействия многих инстинктов, как это считал еще В.Джемс*. Сама же идея трактовки языка как вида инстинкта принадлежит Ч.Дарвину и высказана им давно, при разработке темы происхождения человека в 1871.

Выставив свой главный тезис об инстинктивной природе языка, С.Пинкер переходит к его разносторонней аргументации, и

* James. W. 1920, Psychology: Briefer course New York.

его первым вопросом становится проблема: думают ли люди на языке или существует молчаливый «мыслекод», облакаемый при необходимости в слова? В согласии с идеями русского лингвиста начала 20-го века А.А.Потебни⁷, С.Пинкер полагает, что этот вопрос — ключевой для понимания природы языка. Ответ на вопрос о связи мышления с языком выражен в тексте уже посредством названия соответствующей главы: «Мыслекод». Да, он существует и служит базой для выполнения мыслительных операций самих по себе. Мышление без языка возможно, что обнаруживают различные случаи афазических расстройств, способность к мыслительным операциям глухих людей, поведение высших обезьян, процесс решения творческих задач людьми и др. Параллельно с аргументами в пользу существования мыслекода дается убедительная критика так называемой гипотезы лингвистической относительности (обусловленности) Сепира-Уорфа, главная направленность которой — показать зависимость мышления от языка, неразрывность языка и мышления. Рассказывается полукомическая история появления этой гипотезы на научной сцене, весьма снижающая ее авторитет.

С той же целевой направленностью — показать сферу действия языкового инстинкта — в главе «Механизмы языка» раскрывается содержание теории порождающей грамматики Н.Хомского, сторонником которой является автор рассматриваемой книги. В своем изложении он показывает, что теория Хомского раскрывает глубинную структуру предложений и позволяет с достаточной строгостью описать ее основные варианты. Внутренняя, глубинная структура образуется в результате того, что предложения формируются путем совмещения различных словесных блоков. Эта структура удерживается вместе благодаря образованию своего рода «ментального дерева». Объединение слов в синтаксические группы связывает грамматически правильные предложения с блоками мыслекода, посредством чего осуществляется связь мысли со словесным выражением. «Глубинная структура — это средство передачи информации из ментального словаря в структуру составляющих», — высказывает Пинкер идею, обозначающую возможное решение проблемы связи мысли со словом (с.135). Набор правил и принципов образования синтаксических групп составляет содержание генеративной грамматики. Эти правила и принципы являются, по мысли Хомского, универсальными для разных языков и врожденными; дети появляются на свет с их знанием.

Такой же подход сохраняет С.Пинкер при рассмотрении психологического аспекта использования лексики. Слово — это так-

⁷ Потебня А.А. Мысль и язык // Эстетика и поэтика. М., 1976.

же сложно организованная «блочная» структура, которая формируется по правилам, аналогичным синтаксическим.

Полномасштабно рассматривая работу языка, необходимо учитывать не только аспект порождения речевых структур и входящих в их состав лексических элементов, но также принимать в расчет противоположное направление речевого процесса — восприятие субъектом слышимой от собеседника речи. Обращаясь к этой области, С.Пинкер и здесь находит проявление языкового инстинкта. «Восприятие речи — это еще одно биологическое чудодейство, составляющее языковой инстинкт», — пишет он (с.187). В главе «Звуки тишины» он приводит свидетельства тому, что скорость, нечеткость и изменчивость речевого потока не позволяют прямым образом расшифровывать передаваемую с помощью устной речи информацию. Свидетельством этому служит то обстоятельство, что на сегодняшний день вопреки многим усилиям ученых ни одна техническая система не может продублировать человеческую способность распознавать слова в естественных для человека условиях, а именно — опознавать многие слова, произносимые разными говорящими. Причина чудесной возможности человека понимать быструю, нечеткую и разнообразную речь, полагает Пинкер, состоит в том, что речь воспринимается «сверху вниз» (или, скорее, «изнутри вовне»). Это значит, что мы слышим то, что имеем в виду услышать, и наше знание определяет наше восприятие.

На пути логического развития мысли автора естественно возникает вопрос об универсальности рассматриваемых им закономерностей, а в контексте его конкретной задачи — об универсальности языков с точки зрения проявления в них природных, «инстинктивных» начал. Этот вопрос рассматривается в главе под названием «Вавилонское столпотворение», метафорически обозначающим функционирование множества языков. Проблема языковых универсалий популярна в лингвистике. С 60-х годов 20-го века и работ Д.Гринберга, анализировавшего материал 30-ти языков, были проведены многие исследования и изучены на предмет проявления в них универсальных особенностей языки различных стран света. В результате этой работы обнаружены сотни разнообразных универсалий, чаще относящихся к чисто формальным свойствам языков.

С.Пинкер проводит их содержательный анализ и приходит к заключению, что правила порождающей грамматики, действующие при обработке языкового материала при порождении речи и при ее восприятии, рассмотренные им в главах 4-6, применимы ко всем языкам мира. Приведем несколько примеров из списка разработок С.Пинкера.

- Во всех языках есть лексика, и обычно она классифицирована по категориям частей речи.
- Глаголы и существительные занимают соответствующие их функциям позиции в этих структурах.
- Составляющие могут менять свое положение в глубинной структуре в соответствии с заданной функцией.
- Новые словесные структуры образуются по правилам словоизменения и образования производных форм.

Не воспроизводя здесь весь список универсалий, рассмотренных С.Пинкером (читатель найдет его на сс 284-285 книги), можно видеть, что в списке представлены основные правила обработки языкового материала при порождении речи и при ее восприятии. Это приводит автора к центральному выводу: то обстоятельство, что универсалии «встречаются в языке за языком, ...создает устойчивое впечатление, что в основе человеческого языкового инстинкта лежит Универсальная Грамматика, которую нельзя свести к истории или познавательной деятельности». И далее: «...Универсальная Грамматика подобна архетипическому строению организма, встречающемуся у огромного количества животных одного и того же биологического вида» (с.285).

Еще одним важным аспектом в разработке своей концепции С.Пинкер считает рассмотрение естественного хода речевого развития ребенка. Анализ представленных материалов приводит его к утверждению, что «основы строения грамматики изначально заложены в детском мозге, но ребенку все же приходится восстанавливать нюансы английского, кивунджо или айну» (с.333). Поэтому значение языка окружающих, хотя и является важным фактором, однако не первостепенно необходимо в речевом онтогенезе. Язык, полагает С.Пинкер, развивается настолько быстро, насколько это ему позволяет растущий мозг ребенка.

Все же ключевым моментом в обосновании центрального тезиса книги является вопрос о генетической обусловленности Универсальной Грамматики. К этой теме автор и обращается в 10-й главе «Языковые органы и грамматические гены». В разделе собраны интересные материалы фундаментального характера, касающиеся локализации языка в мозговых структурах, обсуждаются данные о задействованности зон мозга в протекании речезыковых процессов, получаемые с помощью новейшей техники магнитно-резонансной томографии, позитронно-эмиссионной томографии и других дорогостоящих современных средств. Все же автор замечает, что методы эти недостаточны для суждения о генетической природе языковых операций. Специфические подходы, которыми пользуется психогенетика, также не всегда адекватны применительно к человеку. Поэтому вопрос о том, имеется ли в геноме человека спе-

цифический грамматический ген, остается в наши дни неясным. Как указывает автор, существуют лишь предположительные свидетельства о его существовании, и ученые продолжают прикладывать усилия к его поиску.

Развивая аргументацию в пользу генетической обусловленности языка, автор не обходит стороной и эволюционную тему. Его вопросы — где и когда мог эволюционировать язык и почему это произошло? По его логике, если язык такой же инстинкт, как все остальные, то он должен был развиваться по законам естественного отбора. В главе «Большой взрыв» С.Пинкер весьма искусно проводит анализ этой темы. Он предполагает, что язык мог возникнуть в эволюции путем последовательного частичного переоборудования у приматов мозговых систем, сначала не принимавших участия в вокальной коммуникации. Этот процесс следовал общим принципам эволюции. Его общий вывод: «Языковый инстинкт, уникальный у современного человека, представляет не больший парадокс, чем хобот у современного слона. Никаких противоречий, никакого Создателя, никакого Большого Взрыва.» (с.409)

В заключительной 13-й главе книги С.Пинкер обращается к теме, обобщающей его предыдущие размышления, и рассматривает вопрос о целостном устройстве сознания, в котором языковый инстинкт занимает свое место. В этой главе читатель не найдет привычных для нас рассуждений о связи сознания с деятельностью, соотношения сознания и подсознания и др. Назначение этого раздела другое — отвлечься от поверхностных проявлений человеческой природы, выявить ее универсальность, показать содержательную наполненность сознания. В решении этой задачи автор опирается на материалы антрополога Д.Брауна, изложенные в книге последнего «Человеческие универсалии»^{*}. Этот ученый составил Список характеристик Универсальных Людей на основе подробного исследования этнографических архивов, описывающих поведение человека во всех обществах, о которых только существуют документальные свидетельства. В краткой форме данные приведены на с. 497-499 книги, здесь мы отметим лишь отдельные моменты, позволяющие составить общее представление о характере всего списка.

Во всех культурах признается значение речевых проявлений человека. Ценится ясная речь и речь шутивная, поэтические и риторические проявления; существуют ложь и обман; используются обозначения всех элементов жизни и обстоятельств; выражены логические отношения. Используются формы невербальной коммуникации: мимики и пантомимики, плач, выражение приязни и непри-

^{*} *Brown, D.E. Human universals. New York: McGraw-Hill, 1991.*

язни. Существуют устойчивые проявления, связанные с сексуальной сферой (флирт, ревность, «Эдипов комплекс», украшательство, стандарты сексуальной скромности и др), формы организации семейной жизни. Изготавливаются инструменты, используются лекарства. Существует этикет, ритуалы и пр. и пр.

С.Пинкер обращает внимание на то, что приведенные данные — это «список взаимодействий между универсальной человеческой природой и условиями жизни на этой планете при обладании человеческим телом» (с.499). Осуществление этих разносторонних взаимодействий человека происходит на основе семейств инстинктов, или модулей, по терминологии Дж.Фодора^{*}. С.Пинкер насчитывает 15 таких модулей, куда входит интуитивная механика, интуитивная биология, числа, ментальные карты территорий, выбор места обитания и, конечно, язык (с.505-506). Такого рода модули образуют блоки сознания, имеющие внутренние связи. У всех нормальных людей есть сознание, состоящее из адаптированных вычислительных модулей. Данная структура сознания необходима для функционирования языкового инстинкта. Люди всех культур говорят на языках, в основе которых лежит единое ментальное устройство.

Наш краткий обзор содержания работы С.Пинкера позволяет, как нам кажется, ощутить мощь основной заложенной идеи, осознать масштабность объема привлеченной для аргументации разносторонней информации, почувствовать твердую руку, выстроившую структуру книги.

Перед лицом будущей жизни книги в нашей стране хочется представить — хотя бы в общих чертах — перспективу ее вхождения в нашу читательскую аудиторию. Я искренне уверена, что книга найдет отклик у большого круга специалистов, а ее легкое и художественное изложение сделает доступным для понимания весь разнообразный по специализации материал в широкой аудитории. Можно не сомневаться, что книга станет необходимой в круге литературы современного российского психолингвиста. Она, безусловно, будет полезна в качестве учебного пособия студентам и аспирантам в курсах «Общая психология». Читательская аудитория книги обещает быть очень большой, поскольку издание привлечет внимание всех, кто интересуется языком, а, по утверждению С.Пинкера, безразличных к языку людей встретить весьма трудно.

Сложнее, думается, будет обстоять дело с отношением к теоретическим положениям, защищаемым С.Пинкером. «Стандартная Социологическая Модель», в оппозиции к которой находится

^{*} Fodor J.A. The modularity of mind. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1983.

автор, что и составляет логический центр книги, стала доминирующей в 20-м веке не только на Западе (в трудах М.Мид, 1935, Дж.Уотсона, 1925, на которые указывает автор), но она популярна и в нашей стране. Поэтому вероятно, что ряд основополагающих положений книги все же вызовет несогласие и критику.

Автор этих строк не будет в рядах принципиальных оппонентов, поскольку разделяет главный тезис С.Пинкера и имеет к настоящему времени публикации, в которых подчеркивается значение природного вклада («языкового инстинкта») в развитие и функционирование речевой способности человека*. Тем не менее некоторые тезисы книги представляются мне недостаточно убедительными. К их числу относится круг тех «кандидатов», которые выдвинуты на получение квалификации быть врожденными. Здесь прежде всего обращает на себя внимание утверждение Н.Хомского и его последователей, что синтаксические структуры, блоки синтаксических составляющих и принципы их организации врождены и развиваются по генетической программе.

Этот тезис, на наш взгляд, страдает недостаточной конкретностью. Рассматриваемый лингвистический феномен представляет собой весьма сложную конструкцию, психологическая и психофизиологическая сущность которой остается до настоящего времени неясной. Современная психогенетика, хоть и вводит в свои исследования установление генетических связей со сложными психическими функциями, однако не довольствуется голой феноменологией, а ставит задачу нахождения мозговых механизмов, обеспечивающих выявляемые связи. Так и в случае рассмотрения генетической обусловленности грамматики: требуется понять, какие именно психологические элементы являются ее составляющими и оказываются генетически обусловленными. Думаю, далеко не все ее психологические операции войдут в круг врожденных. Так например, существуют данные, свидетельствующие о выработке в онтогенезе синтаксических структур, возникающих как установление динамических стереотипов**. Выработка и использование ребенком синтаксических структур объясняется формированием синтаксических стереотипов, использующих слышимый речевой материал и опору на формирующиеся лексические классы. В формировании такого рода синтаксических стереотипов участвует речевой грамматически оформленный материал,

* Ушакова Т.Н. Функциональные структуры второй сигнальной системы. М.: Наука, 1979. Ушакова Т.Н. Природные основания речезыковой способности ребенка (анализ раннего речевого развития) // Языковое сознание: формирование и развитие. М., 1998. С. 7—23. Ushakova T.N. Language Emergence in Infants // European Psychologist. 2000. Vol. 54. P. 285—293.

** Жинкин Н.И. Механизмы речи. М., 1958

воспринимаемый ребенком от окружающих. Тем самым включение фактора влияния внешних условий обнаруживается здесь достаточно ясно.

В обсуждаемом контексте представляются весьма серьезными суждения о биологических основаниях знания, высказанные Ж.Пиаже* в дискуссии с Н.Хомским. Знаменитый швейцарский ученый выразил два основных возражения против идеи Хомского о «врожденном фиксированном ядре»: это необъяснимость биологической мутации, которая могла бы вызвать появление «фиксированного ядра» и естественную возможность объяснить его свойства как необходимый результат конструктивных построений, свойственных сенсомоторному интеллекту. Несколько удивительно, что на страницах рассматриваемой книги нет упоминаний об этом диспуте.

Хочу обратить также внимание на то обстоятельство, что речевой механизм при его нормальном функционировании и развитии представляет собой исключительно сложную конструкцию, в состав которой входят многие блоки. Грамматическое структурирование вряд ли можно поставить во главе выполняемых психолингвистических операций. Об этом, в частности, свидетельствуют современные исследования, показавшие что в ходе обычной разговорной речи синтаксис оказывается исключительно нерегулярным, но и в такой форме он достаточен для нормальной осмысленной коммуникации**. Из сказанного следует, что поиск генетической детерминации речевых механизмов требует предварительного выявления ключевых психологических операций, включающихся в рассматриваемый процесс. Мне думается, что врожденные свойства речевой способности надо начинать искать в простых психофизиологических проявлениях, в частности тех, которые наиболее ясно обнаруживаются на ранних стадиях онтогенеза. Образование и функционирование сложных речевых навыков требует более пристального рассмотрения на предмет выявления социальных влияний на них.

Можно высказать еще одно критическое замечание, относящееся к процессу развития речевосприятия, описанному в главе «Звуки тишины». В этом разделе утверждение о наличии врожденных слухоречевых образцов, обеспечивающих распознавание речи, оказывается, на мой взгляд, недостаточно аргументированным. В частности, автор не упоминает недавно опубликованные и весьма убедительные данные П.Куль, развившей теорию пре-

* Пиаже Ж. Психогенез знаний и его эпистемологическое значение // Семиотика. Ред. Ю.С.Степанов. М., 1983. С. 96—98.

** Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. М., 1981.

цептивного магнита и показавшей, что подгонка прецептивной слуховой решетки под родной язык формируется в раннем возрасте на основе речевого опыта младенца, возникающего в результате воздействия речи окружающих*.

В целом, будучи сторонницей идеи большой значимости природного вклада в детский речевой онтогенез, я считаю в то же время необходимым с полной обстоятельностью исследовать роль социального фактора при развитии речи ребенка. Хотя малыш в большой степени изобретает язык в ходе своего развития, все же взрослый говорит на том языке, на котором говорили ближайшие к нему люди. Ссылаясь на врожденность, мы часто не решаем проблему, а только передвигаем ее в область генетики — туда, где «еще темнее» и труднее понять природу и механизм изучаемого явления. А понять все равно надо.

Обсуждая дискуссионные проблемы, возникающие при прочтении книги С.Пинкера, хочу подчеркнуть, что они лишь оттеняют яркость и новизну обсуждаемых в книге идей. Я глубоко согласна с автором в том, что наука 20-го века недооценила значение природного, в терминологии Пинкера «инстинктивного», фактора в развитии и функционировании языка и речи. Пришло время воздать кесарю кесарево, а Богу Божье. Именно это и составляет главное содержание книги «Язык как инстинкт».

* Kuhl P. Learning and representation in speech and language. // Current Opinion in Neurobiology 1994, 4, pp.812-822.